ТОТ САМЫЙ ДЕРЯБКИН

Наше знакомство началось десять лет назад со скандала в кабинете начальника художественного отдела.

Мы решили выяснить, кому принадлежит приоритет изобретения одного необычного реквизита. Выяснение дошло до того, что хрупкая женщина — начальник отдела, вынуждена была разнимать нас возле своего рабочего места. Мы разошлись неудовлетворенные, с тайным желанием продолжить объяснение.

Через неделю, на дне рождения одного нашего выдающегося клоуна, тот же самый скандал повторился у Дерябкина с моим отцом.

Вот и верь после этого первым впечатлениям. Если б тогда мне кто-нибудь сказал, что передо мною один из самых утонченных лириков, пишущих о цирке, и что через три года он станет одним из самых близких мне по духу людей, я бы ни за что не поверил.

Дерябкин приехал в Тулу из Ростова, измотанный и поникший. По дороге машина сломалась. Он, жалкий и беззащитный, вдавился в кресло заместителя директора, словно ожидая пощечин. Даже поздороваться с директором не зашел.

«Артисту нужно
очень мало,
только б душа
была в тепле,
он, как жонглерская
булава,
летит к протянутой
руке».

Так он прятался до самого начала, а во время премьеры, которую ждали с нетерпением, а он с опаской — все разладилось. У него не пошли медведи, застрял, зацепившись за форганг, парус ладьи, «наваляла» униформа, напортачили осветители, словом, провал, полный крах. После представления Дерябкин ушел из цирка. Позднее Володя мне рассказывал, что воспринял разнарядку в Тулу, как провокацию, сведение счетов, долго отказывался, и — вот такая премьера.

В те времена существовала умершая ныне традиция: в день после начала гастролей артистам, работникам цирка встречаться. Пришли все артисты, шутили, смеялись, обсуждали программу, не было только Володи. Отец послал за ним. Он вошел, готовый к насмешкам и издевательствам, готовый ко всему плохому.

И тогда отец сказал ему: «Вы знаете, Володя, я дружил с Филатовым, любил его аттракцион и мне казалось, что после него в медвежьей дрессуре уже ничего сделать нельзя. Сегодня я увидел новое направление в дрессуре. Я поздравляю вас. Вы открываете новый жанр».

Сказано это было так убежденно и искренне, что Дерябкин оттаял, тут же, на глазах у всех, перед нами предстал ранимый хрупкий человек. После этих слов он ничего не ответил, а неожиданно ушел и вновь вернулся уже с гитарой. Вот тут и началось чудо. Вдруг я увидел весь мир, как большой шатер шапито. Дома, вещи, предметы — все стало реквизитом этого грандиозного шоу, в котором все люди либо дрессировщики, либо дрессированные медведи...

«Истрепал я тебя,
чемодан,
ты в вагонах валялся
под полкою,
слышал я, как ты
ночью стонал,
забинтованный туго
веревкою.
Да и сам я
себя растрепал
может быть
на ненужные цели,
а весну так
и не повстречал,
хоть родился
весною в апреле.

Он пел долго, до поздней ночи. И я тогда понял, что передо мной редчайший, а может быть и уникальный поэт цирка.

Детский новогодний спектакль я написал о нем. Про волшебный фонарь, который ищет маленький казацкий паренек всю свою жизнь. И так и не находит его.

Во время генеральной репетиции умер мой отец. Я продолжал репетировать оставшиеся сутки, а в глазах перемешалось все — декорации, длинные скамейки, приготовленные для поминок, которых у нас в доме никогда не было. Среди нескольких сотен людей, бывших со мной в тот день, смешавшихся в одно лицо, я явственно вижу его глаза — все понимающие и также рано осиротевшие.

«Куда бежишь?» —
твердят мне мои ноги, —
остановись,
к обочине прижмись...
Смотри, как ты
избил нас о дороги,
ну хоть однажды
медленно пройдись».

Он убежал из дома вместе со старшим братом вслед за цирком шапито в 16 лет и поступил в Ленинградский цирк служащим по уходу за животными, к Ермолаеву.

Иосиф Николаевич Кирнос, бывший тогда заместителем директора цирка, приходил в цирк раньше всех и нередко заставал будущую звезду манежа спящим в правительственной ложе. Потом режиссер Бобок увидел в этом пареньке из донского Каменска потрясающее актерское обаяние.

Так родилась незаслуженно сейчас забытая пара клоунов Дерябкин-Хлюпин. Реприза «Колодец», выдуманная ими, «Директор» и «Пиво», замечательный свежий репертуар и хорошие актеры — все это увидел и оценил Валентин Филатов, пригласивший их в свой коллектив на долгие годы.

Как хочется
в лес убежать,
ошейник пожизненный
снять,
но прутья стальные,
как стражники злые,
в шеренге безмолвно
стоят.

У Филатова медведей водили все — и «униформа» и «маститые». От него вышли и Рустам Касеев, и Игорь Петрухин, и другие. Дерябкин мучительно искал и нашел свое, свое лицо как в клоунаде, так и в дрессуре. Суммируя опыт Василия Калинина и Валентина Филатова, он начал создавать новый жанр в цирке — «Медвежья клоунада» или «Клоунада с животными». Его медведи должны были стать равноправными партнерами человека в клоунадах, антре и миниатюрах.

А начиналось это в узкой гардеробной, где тайно купленный медвежонок Герасим получал первые уроки «актерского мастерства». Номер сделали тайно, за свой счет и, как часто бывает, показали уже совершенно готовым. Помог в то время Дерябкину, и по-человечески, и своим авторитетом, профессиональными советами, Олег Попов. Но сколько сил, сколько слез, сколько денег стоило создание огромного аттракциона «Медвежий театр миниатюр», знает один только Володя, да его жена Людмила.

Мне цирк тогда
был вместо храма,
мне храмом
был тогда шатер,
и радугой была реклама,
зеленым лугом
был ковер.
Но все, что мною
повидалось,
не так все это,
хоть убей,
вот почему
и прочиталась
молитва бабушки моей.

Этот аттракцион поражал многих своим живописным рядом. В центре каждой из пяти новелл, будь то «Автосервис», «Бар», «Пушки», «Ладья» или «Летающая тарелка», стоял блистательно сделанный, со вкусом декорированный реквизит, который обыгрывали партнеры, — люди и медведи. Поражала чистота дрессуры, иронично подмеченные черты человека, пародируемые медведями. Юмор, красота, достижения дрессуры, когда медведи не кувыркались по манежу, а «играли» роли!

Аттракцион сразу заметно выделился из всех остальных, прежде всего вкусом, культурой и выдумкой. А летающая 10-метровая тарелка, которая впервые взлетела у Дерябкина!

Я впервые за многие годы увидел в коротком аттракционе настоящий, драматически законченный спектакль.

И вот после успешных гастролей в Москве и триумфальных гастролей в Японии и Югославии вдруг наступила черная полоса. Не только для Володи, но и для всего нашего дела.

Я так хочу,
не умирая, умереть,
слова запретные
давно осточертели,
ошейник, клетку —
все бы мог стерпеть,
лишь только б птицы
в окна не смотрели.

Тогда пришли новые люди в «Союзгосцирк» и заговорили о том, что большинство побед ведущих мастеров замешано на нечистоплотных отношениях с бывшим генеральным. В один день все звезды померкли и превратились в «жуликов», Советский цирк из лучшего в мире стал прорехой на здоровом теле Министерства культуры. Новые чистые люди ставили задачей каленым железом вытравить все то, что было у нас нехорошего, а заодно...

Тогда мало заботились об авторитете и достоинстве артистов. Трудно тогда было многим. Одни потирали руки в ожидании приговоров, другие откровенно боялись. Всем было не до кого и уж, конечно, не до циркового искусства, которое в целом оказалось испачканным. Новые чистые люди забывали о том, что в большинстве случаев за успехом артистов стояли не рабские подарки и взятки, а каторжный труд, пот и слезы. Многие затаились, ушли «на дно», другие на их фоне стали проявляться, а Дерябкин сломался. «Неужели, — думал он тогда вслух, — причиной моего успеха является хорошее отношение «генерального», неужели люди не видят, что в этот спектакль я вложил не только труд, а всю жизнь без остатка, без отдыха и отпусков, без личной жизни... только работа, работа, как в шахте, из которой не выпускают наверх».

«Я объехал 20 стран мира, — часто говорил тогда Дерябкин, — что я видел? — гостиницу, автобус, медвежатник, манеж и снова автобус и гостиницу».

Будучи человеком чрезвычайно, до болезненности ранимым и совестливым, Дерябкин переживал беду, происходившую с цирком как личную трагедию.

Буду жить
в небольшой деревеньке,
срублю дом
у седого пруда,
ни одной в нем
фальшивой ступеньки,
а какая в колодце вода!

Этот промежуток нравственных испытаний совпал у Володи с длительной, почти двухгодичной разнарядкой в Сибирь и на Дальний Восток. Он воспринял это в тот момент как ссылку за грехи, которых не совершал.

Я помню, как он прощался со мной в Туле со слезами на глазах. Единственное, что я мог ему сказать: «Володя, обрати эти месяцы на совершенствование своей поэзии. В Сибири живут сегодня известные писатели — познакомься с ними, покажи им свои стихи». Он так и сделал. Через два года ко мне приехал другой человек. Его творчество одобрили Межелайтис, Астафьев, Распутин и другие писатели. Там он сформировал свою поэтическую индивидуальность, свой почерк, свой, если хотите, поэтический талант.

Первое время, когда Дерябкин читал свои стихи, я, пользуясь своими двумя высшими и аспирантурой, знаниями теории литературы, пытался поучать, где он не соблюдает размер, ритм или рифму. Но один толковый сибирский поэт сказал Дерябкину, который до сих пор заявления пишет с орфографическими ошибками: «Володя, Вам не надо учиться писать стихи, природа Вас щедро одарила самобытностью. Как только Вы научитесь грамотно и складно слагать, Вы потеряете все, а главное — индивидуальность».

И он не правит и не старается выглядеть энциклопедистом. В его творчестве заключена вся многовековая грусть тружеников манежа. У него удивительный дар через жонглерскую булаву, через цирковой шатер или прожектор, актерский чемодан воссоздать одной-двумя красками целый мир человеческих переживаний и чувств. Но основные испытания его ждали впереди.

В деревне Анна
под Воронежем
у церкви я заночевал,
и, как у стариков
положено,
молитву на ночь
прочитал.
Но все,
что мною повидалось,
не так все это,
хоть убей.
Вот почему и
прочиталась
молитва бабушки моей.

Я уже говорил, что из Сибири приехал другой Дерябкин. Он больше не говорил о цирке. Все разговоры шли только о поэзии, о его песнях, предстоящих концертах на эстраде и телевидении. «А что же цирк?» — спрашивал я его. «Из цирка я решил уходить. Посуди сам: пятнадцать лет клоунады и незаурядной, со своим репертуаром, с необычными образами, потом успех «Автосервиса», потом вторая новелла (равная номеру). Потом третья, четвертая, пятая — и все. Самое страшное для артиста, это когда его труд не просто не ценится, а когда он никому не нужен».

Я убеждал его долгими днями, требовал, кричал. Потом пошел к заместителю генерального директора. Там у нас состоялся долгий разговор о Дерябкине, о его самобытности, о его вкладе в дрессуру. Я просил, чтобы «творческий» руководитель поддержал его, создал условия для дальнейшего творчества этому незаурядному артисту. Мне предлагали сигареты, подшучивали несколько вульгарно надо мной и над ним. В конце разговора руководитель дал слово помочь артисту, попавшему в творческий кризис. А через три дня, встретив Дерябкина в коридоре, этот начальник сказал: «Ты знаешь, я подумал: мы, пожалуй, расформируем аттракцион, раз ты этого так хочешь. Раз артист не хочет больше работать, его никто не заставит».

Руководитель рассчитывал, что артист испугается, одумается, повернет вспять. Но он забыл, что перед ним стоял Владимир Игнатьевич Дерябкин. Володя тут же, в коридоре, написал заявление, в котором просил расформировать его аттракцион (который в эту пору находился по всем параметрам на пике формы) в связи с ненадобностью его труда для Союзгосцирка и снять ставку. В тот же день руководитель подписал это заявление. А я в этот же день внутренне для себя вычеркнул фамилию этого начальника из списков творческих работников цирка навсегда.

Так исчез из цирка новаторский аттракцион «Медвежий театр миниатюр», созданный Дерябкиным.

...Буду жить
в небольшой деревеньке...

По моему настоянию Владимир не ушел совсем из цирка. Он восстановил в новом качестве блестящий номер «Медвежий автосервис» и с успехом работает. Одновременно он выступает на соревнованиях Ленинградских бардов, или во Дворце «Юбилейный» со своими песнями, готовит сборник прозы.

Вот так поживает сегодня клоун, дрессировщик, автор цирковых реприз, клоунад и антре, цирковой поэт Владимир Дерябкин.

А по вечерам, сочинив две строчки к новой песне, он звонит мне из Ульяновска или Саратова, и на его приветствие «Здравствуй, это я!» — я всегда отвечаю: «А, это тот самый Дерябкин!!!»

Александр КАЛМЫКОВ.